

ЛЕРА ЛЕБЕДЬ

TOMORROW

ЗАВТРА

НАСТУПИТ ДВАЖДЫ

Лера Лебедь

Завтра наступит дважды

«Автор»

2026

Лебедь Л.

Завтра наступит дважды / Л. Лебедь — «Автор», 2026

Что, если худший день твоей жизни повторится снова? Полина Малышева давно вычеркнула выпускной из памяти. Она не рассказывала о нём никому — ни друзьям, ни психологу, ни отцу. В тот вечер её сердце вывернули наизнанку перед всей школой, и она сбежала, пообещав себе никогда не возвращаться. Прошло двенадцать лет. Полина — журналистка, живёт в столице, пишет скучные статьи и старается не вспоминать прошлое. Но один телефонный звонок меняет всё: из родного города сообщают, что Андрей — её первая неразделённая любовь — погиб. Полина решает поехать на похороны, чтобы наконец закрыть эту страницу. Вот только до города она не добирается. Авария. А после неё — пробуждение в собственной детской комнате. В день, который она поклялась забыть. В день своего выпускного. Теперь у неё есть шанс. Пережить всё заново. Ничего не менять. Или изменить всё. Но прошлое не отпускает просто так. И, кажется, у этого дня свои правила.

© Лебедь Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лера Лебедь

Завтра наступит дважды

Глава 1

Вечерний город за окном уже не казался приветливым. С двадцать девятого этажа делового центра Москва выглядела нагромождением стекла, бетона и нетерпеливых огней, разрезающих сырую темноту. Полина сидела за столом, подперев голову рукой, и смотрела на дорогу. Где-то внизу бесконечным ручьем текли машины: красные стоп-сигналы вспыхивали и гасли, будто кто-то нервно дышал в такт вечерним пробкам.

Статья о выставке породистых собак не писалась.

На экране ноутбука сиротливо белел заголовок: «Чем удивят заводчики в этом сезоне: главные породы осени». Ниже — три пустых абзаца. Мысль ускользала. Полина снова перевела взгляд в окно. Там, за толстым стеклом, шумел сентябрьский вечер: ветер гонял по тротуарам первые пожухлые листья, вдали мерцала вывеска какого-то ресторана. Красиво. И совершенно неинтересно.

Внутри было тихо и пусто. Не то чтобы она устала. Скорее — перегорела. Когда-то ей казалось, что журналистика — это кабинеты, пропахшие табачным дымом, ночные редакции, звонки, которые разрывают тишину, и материалы, от которых у читателей бегут мурашки. На деле всё оказалось иначе: бесконечные заказные тексты, вежливые правки, согласования, корпоративные письма. И вот — выставка собак. Стабильно. Тоскливо. Надежно.

Полина вздохнула и снова заставила себя смотреть в монитор. Ей двадцать девять, у неё хорошая должность в крупной газете, собственная колонка. Не хуже, чем у других. Но внутри всё чаще свербело смутное, липкое чувство, будто она не живёт, а ждёт, когда начнётся настоящая жизнь.

В следующем месяце у неё отпуск. Она машинально отметила это в голове ещё утром и с тех пор держала мысль на периферии, как занозу. Надо бы съездить к отцу. Надо бы. Но от самой идеи ехать в родной маленький городок, где каждая улица пропитана прошлым, становилось тесно в груди. Она туда не хотела. Ни в отпуск, ни вообще.

Полина тряхнула головой и уставилась в статью. «Выставка породистых собак — это не только место встречи профессионалов, но и...» — прочитала она собственные слова и поморщилась. Скучно. Пресно.

Ей хотелось писать о том, что действительно важно. О людях, чьи судьбы ломаются и собираются заново. О чиновниках, которые прячут за громкими словами пустоту. О новостях, от которых сжимается горло. Но для этого нужно было пойти к руководству и попросить о переводе. Или хотя бы заикнуться. Но нет. Страшно. Вдруг откажут? Вдруг посмеются? Скажут: «Сиди уж, Полина Викторовна, на своих собачках». И она сидела.

Часы на стене показывали половину восьмого. В редакции было уже почти пусто: за соседними стеклянными перегородками не горел свет, только в конце коридора шуршал чей-то принтер.

Полина решительно захлопнула ноутбук. Всё. Текст подождёт до завтра. Ничего с ним не случится. Собаки не разбегутся.

Она встала, потянулась, размяла затекшие плечи. Сложила ноутбук в сумку, проверила, на месте ли телефон, поправила воротничок светлой рубашки. Строгая юбка-карандаш сидела идеально, но туфли уже успели натереть. Полина мысленно в который раз пообещала себе купить что-то более удобное. И в который раз знала, что не купит, потому что не умеет выбирать обувь, а на каблуках ходить так и не научилась.

Она уже выключила свет в кабинете, когда в сумке ожил телефон.

Экран вспыхнул, по кабинету разнёсся вибрирующий гул. Полина нехотя глянула на дисплей.

«Папа».

Она замерла. Внутри что-то сжалось. Рука, уже тянувшаяся к выключателю, опустилась.

Звонок не прекращался. Телефон гудел настойчиво, требовательно, как человек, который долго не решался и наконец-то решился.

Отец редко звонил. Ещё реже — в такое время. Обычно — раз в месяц, а то и реже, по выходным, с дежурными вопросами: как работа, как здоровье, не нужны ли деньги. Она отвечала так же дежурно: нормально, здоровье в порядке, деньги не нужны. И оба делали вид, что так и должно быть.

Полина смотрела на светящийся экран, перебирая в голове предлоги. «Не услышала». «Телефон был в сумке». «Занята». Потом перезвоню. Завтра. Никогда.

Но звонок всё не смолкал. Отец словно решил добиться ответа во что бы то ни стало.

«Может, что-то срочное», — мелькнуло в голове.

Сердце кольнуло тревогой. В их семье не звонили без причины. Полина медленно провела пальцем по экрану и поднесла телефон к уху.

— Да, пап.

В трубке повисла короткая пауза, а затем раздался его голос — глуховатый, осторожный, словно он сам не верил, что она ответит.

— Привет, Полина. Как дела?

Она прикрыла глаза. Ну конечно. «Как дела». У них всегда было одно и то же.

— Нормально, — ответила она ровно.

Отец помолчал. В трубке было слышно его неровное дыхание. Казалось, он собирается с силами. Полина почувствовала, как между ними, как всегда, вырастает стена из недосказанности. Толстая, холодная, давно знакомая. Они научились обходить её, не приближаясь.

— Ты ещё на работе? — спросил он наконец.

— Уже ухожу.

Ещё одна пауза. Полина переложила телефон в другую руку. Ладонь вспотела.

— Пап, я устала. Если ничего срочного, давай...

— Андрей погиб.

Он сказал это тихо. Без перехода. Так, словно боялся, что если не скажет сразу, то не скажет уже никогда.

Полина замерла.

Внутри всё оборвалось. Трубка стала тяжёлой, будто налилась свинцом.

— Что? — выдохнула она.

— Андрей, — повторил отец. — Погиб. Похороны послезавтра.

В кабинете стало непривычно тихо. Даже машины за окном, казалось, на секунду перестали гудеть.

Полина слышала собственное сердце. Оно стучало где-то в горле, гулко, неровно.

— Ты приедешь? — спросил отец.

В его голосе не было ни напора, ни упрёка. Только усталость и что-то ещё, похожее на осторожную надежду.

Полина сглотнула. Губы пересохли.

— Вряд ли, — сказала она хрипло, сама не узнав свой голос.

Повисла пауза. Долгая. Немая. Отец не стал спорить. Он вообще никогда не спорил.

— Понятно, — проговорил он едва слышно. — Ну... береги себя.

— До свидания, пап.

Она отключилась первой. Опустила телефон и уставилась в тёмное окно.

Город за стеклом расплывался перед глазами. Огни дрожали, плыли, превращались в мутные пятна. В висках застучало.

Андрей погиб.

Она повторила эти слова про себя, и они обожгли гортань.

Ноги ослабли. Полина машинально села на край стола, вцепившись пальцами в холодную столешницу. Сумка сползла с плеча и глухо упала на пол, но она этого даже не заметила.

Андрей.

Перед глазами, как молнии, вспыхивали картинки. Красивое лицо. Ямочки на щеках. Ровный, почти скульптурный профиль. Волосы, падающие на лоб. Его смех — лёгкий, с хрипотцой. Он никогда не смеялся над ней. Он смеялся рядом. И от этого было ещё больнее.

Вспышка.

Выпускной. Дурацкое платье. Сломанный каблук. Слёзы, которые она прятала в тёмном углу. И он — подошедший не по любви, а по просьбе друга. Такой красивый, чужой, недостижимый. И её позор, застрявший в гортани на долгие годы.

Полина вздрогнула. Воспоминания кололи, как осколки стекла. Дыхание сбилось. Она зажмурилась, но картинки продолжали вспыхивать под веками: школьный зал, медленная музыка, его руки, которых она не заслужила. И боль. Тихая, застарелая, вросшая под кожу.

Она открыла глаза. По щеке медленно скатилась одинокая слезинка. Горячая. Ненужная. Полина торопливо смахнула её ладонью, будто стыдясь собственной слабости.

Внизу всё так же шумел город. Кто-то ехал домой. Кто-то пил кофе. Кто-то смеялся. А в ней, как разбитое зеркало, звенело прошлое.

Она посидела ещё минуту, глядя в одну точку. Потом шумно выдохнула, подняла сумку, поправила волосы.

«Поеду».

Эта мысль пришла неожиданно, но твёрдо. Поеду. Попрощаюсь. В конце концов, он был её первой неразделённой любовью. Единственным, кого она так и не смогла вырвать из сердца.

Андрей погиб. И с ним — последний обрывок её глупой девчачьей тайны.

Полина вскинула подбородок, сжала телефон в руке и шагнула в темноту опустевшего офиса.

* * *

Утром Полина проснулась с тяжёлым чувством, будто и не спала вовсе. Тело казалось ватным, голова — чужой, переполненной обрывками вчерашнего вечера. Андрей. Папа. Похороны. Звонок, который не должен был случиться. Она лежала под одеялом, глядя в потолок, и не могла заставить себя подняться.

С работы она отпросилась сразу, как только вошла в кабинет. Начальник, флегматичный мужчина с вечно уставшими глазами, не стал задавать лишних вопросов. Только мельком глянул на неё поверх очков, кивнул и подписал заявление на три дня. Полина сдала статью о породистых собаках и их гордых хозяевах, даже не перечитывая. Слова легли на бумагу сами, безжизненные, как осенние листья под ногами. Ей было всё равно.

Она вернулась домой, постояла у шкафа, бездумно перебирая вещи. Потом собрала небольшую сумку: пара строгих блузок, тёмное платье, бельё, косметичка. Всё простое, немаркое, подходящее для похорон. Для возвращения в город, где она когда-то поклялась больше не жить.

Ей было не по душе проводить много времени в доме, где прошло её детство и взросление. Не потому, что дом был плохим. А потому, что теперь там жила другая жизнь. Чужая. Аккуратная, налаженная, обжитая женщиной, которая заняла место, ей не предназначенное.

Тётя Эля.

Полина застегнула молнию на сумке, но в груди уже поднималась знакомая глухая волна. Тётя Эля была подругой мамы. Близкой. Они вместе пили чай на кухне, вместе сажали цветы

во дворе, вместе ездили за занавесками. А после маминой смерти она плавно перебралась в их дом. Сначала — помогать, готовить, утешать. Потом — осталась.

Полина, как взрослый человек, понимала, что отец не сделал ничего дурного. Прошло много лет. Мама умерла, а он остался жить. Имел право. И всё же тягостное чувство предательства не отпускало. Оно сидело где-то под рёбрами, тихое, но ядовитое.

Каждый раз, приезжая в отчий дом, Полина злилась, когда видела, как тётя Эля берёт посуду, которую покупала, мыла и выставляла на стол её мама. Эти тарелки с тонкой золотой каймой, эти чашки, эти салатницы — они будто всё ещё помнили мамины руки. А теперь их касались другие пальцы. Хозяйка сменилась.

Особенно ранило, когда тётя Эля стелила на кухонный стол красивую белоснежную скатерть с золотым рисунком. Ту самую. Мамину. Мама доставала её только по праздникам, а потом заботливо убирала обратно в шкаф до следующего большого случая. А тётя Эля — стелила её по воскресеньям, будто обычную. Будто не было в этой ткани ничего святого.

Полина не говорила об этом вслух. Но внутри всё сжималось, когда она представляла, как чужие руки разглаживают белоснежное полотно. Ей казалось, что тётя Эля — не просто жена отца, а замена. И эта замена оскверняла чистую, светлую память о маме одним своим присутствием в доме.

И ещё отец. Он был счастлив. Это читалось в его расслабленных плечах, в мягком голосе, в том, как он смотрел на тётю Элю за завтраком. И Полина злилась. За то, что отец смог. За то, что жизнь после мамы не остановилась. За то, что он не застрел, как она.

Полина сама не чувствовала себя счастливой после маминой смерти. Ей было одиноко, колко и пусто. А отец — прошёл. Принял. Отпустил. Это казалось ей тихим предательством. Будто, сойдясь с тётей Элей, он стёр мамино присутствие из дома. А значит, и из себя.

Она бросила сумку на заднее сиденье и уселась за руль. Мотор завёлся ровно, тихо, словно тоже не хотел никуда ехать. Полина ещё раз проверила телефон, нажала кнопку блокировки, положила его в подстаканник. В зеркале заднего вида мелькнуло её собственное лицо: бледное, уставшее, с заострившимися скулами. Чёлка падала на глаза. Она поправила её резким движением и выехала со двора.

Город провожал её серыми многоэтажками, пробками и запахом осени. Полина ехала и снова вспоминала Андрея. Не могла не вспоминать. Он был очаровательный. Лучший во всём. По истории знал столько, что учитель ставил его в пример даже отличникам. В математике — давал списать половине класса, никому не отказывая. Учителя любили его. Девчонки — тем более.

Андрей улыбался, и на щеках появлялись ямочки. В нём не было ни капли надменности, хотя всё — от внешности до ума — давало ему право быть заносчивым. Именно этим он и разбил ей сердце.

Полина вдруг осознала, что знала его лишь подростком. Взрослым мужчиной он остался для неё незнакомцем. Между выпускным и сегодняшним днём пролегли годы, в которых Андрей жил, дышал, строил что-то, любил кого-то. А она не знала ничего. И теперь уже не узнает.

За городом дорога размоталась, как серая лента. По бокам потянулись поля — пустые, убранные, с редкими рощами на горизонте. Потом — деревни с покосившимися заборами, заправки, придорожные кафешки с яркими вывесками. Полина ехала и не останавливалась. Ей хотелось как можно скорее добраться и покончить с этим. Или хотя бы вырваться из собственных мыслей.

Через три часа она увидела знак с названием родного города. Подгорск. Белые буквы на синем фоне. Сердце ёкнуло. Она сжала руль крепче и включила радио, чтобы не слышать собственных мыслей.

Здесь машин почти не было. Дорога не слишком хорошая, с выбоинами и заплатками, но ехать можно. Сентябрь выдался солнечным и по-летнему тёплым. Полина надела солнцезащитные очки и уверенно направила машину к перекрёстку, за которым начинался город.

Деревья по обочинам тянули к небу голые ветки. Слева блестела лужа, в которой отражалось бледное солнце. Полина глянула в зеркало. Сзади — никого. Впереди — пусто.

И тут шум.

Резкий, рвущий воздух, нарастающий с невероятной скоростью. Она не успела понять, откуда. Только боковым зрением увидела слепящую сталь, летящую прямо в неё.

Удар. В пассажирскую сторону.

Мир взорвался металлом и стеклом. Машину закрутило. Визг тормозов. Скрежет. Собственное дыхание, сорвавшееся на крик. Полина изо всех сил вцепилась в руль, но машину уже несло. Руль вырывался из рук, словно живое существо. Она попыталась вырулить, но опоздала.

Автомобиль начал переворачиваться. Раз. Второй. Полину швырнуло в сторону, ремень впился в грудь, в глазах всё смешалось: небо, асфальт, летящие осколки. Грохот стоял такой, будто земля раскалывалась на части.

Сработала подушка безопасности — жёсткий, удушающий удар в лицо. Запах гари и пыли. Звон в ушах.

А потом — резкая боль и темнота.

Тьма навалилась разом, липкая, тягучая. Полина даже не почувствовала, как остановилась машина. Сознание провалилось в глухую, вязкую черноту.

Сквозь эту непролазную тьму пробился звук.

Противный.

Тонкий, настойчивый, раздражающий до дрожи. Он доносился откуда-то издалека, но с каждым мгновением становился всё ближе, всё громче. Полина, ещё не открыв глаз, поморщилась.

«Что это ещё такое?»

Звук ввинчивался в голову, будто кто-то сверлил висок изнутри. Знакомый и совершенно чужой одновременно. Такой далёкий, будто из прошлой жизни. И оттого ещё более жуткий.

Она резко вдохнула.

Глаза распахнулись.

Перед ней была комната. Светло-зелёные стены с поблёкшими обоями. Белый потолок с трещинкой в углу. И запах — лёгкий, пыльный, с примесью старой мебели.

Это же её комната.

Полина замерла, не дыша. Взгляд заметался по сторонам, отыскивая источник мерзкого звука. И нашёл.

На прикроватной тумбе стоял будильник.

Розовый. Пластмассовый. Ужасно бесвкусный. С белыми кнопками и круглым циферблатом, на котором замерли стрелки.

У неё когда-то был такой. Давно. В детстве. Она помнила его. И от этого стало по-настоящему страшно.

Полина выключила будильник дрожащей рукой и, не сводя с него глаз, снова откинулась на подушку.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Что происходит?.. — прошептала она в пустоту.

Никто не ответил. Только за окном, за лёгкой занавеской, начинало светлеть небо. Будто утро, которого не должно было быть.

Глава 2

Полина лежала в кровати и смотрела в потолок. Сон не шел, хотя тело было тяжелым, будто налитым свинцом. Голова гудела, перед глазами плавали мутные пятна. В комнате пахло пылью и старыми обоями. Этот запах она не ощущала уже много лет, но узнала сразу, кожей, где-то на уровне детской памяти.

Только она начала проваливаться в дремоту, как тишину разрезал звук.

Противный. Резкий. До дрожи в зубах.

Будильник снова разрывался, будто решил во что бы то ни стало вытащить её из постели. Полина застонала и, не открывая глаз, нащарила его рукой. Нажала на кнопку. Раз. Другой. Звук не прекращался.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у неё.

Она рванула крышку будильника вверх, вытащила батарейки и швырнула их вместе с самым будильником в ящик прикроватной тумбы. Ящик с грохотом захлопнулся. Наступила тишина. Полина выдохнула и прижала ладонь к лицу.

«Кто вообще мог поставить такой ужасный звук на будильник?»

Утро — самая важная часть дня. Она это знала слишком хорошо. В её московской квартире всё было иначе: умная колонка мягко сообщала точное время, желала приятного дня и включала что-нибудь из классики. Спокойно. Без насилия над ушами. А здесь... здесь всё не так.

Полина приподнялась на локтях и огляделась. Комната была не убрана. На столе лежали раскрытые тетради, ручки, карандаши, мятый листок с чьими-то каракулями. В углу стоял старый компьютер — с маленьким экраном и огромным, пузатым монитором. Такой же был у неё когда-то. Давным-давно. Его выкинули, когда она ещё училась в университете. Она сама помогала отцу выносить его на помойку.

Полина нахмурилась. В висках застучало.

Что-то не то.

Что-то очень, очень неправильное.

Она хотела подумать, но мысли путались. Веки наливались тяжестью, лоб побаливал. Хотелось спать. Хотелось закрыть глаза и ни о чём не думать. Полина снова откинулась на подушку, уставилась в потолок с тонкой трещинкой в углу и принялась вспоминать.

Она ехала на похороны Андрея. Это было вчера. Или не вчера. Перед этим звонил отец. Голос у него был глухой, усталый. «Андрей погиб. Похороны послезавтра». Потом она собрала сумку. Потом машина. Дорога. Знак «Подгорск». Солнце слепило, и она надела очки.

А потом — визг тормозов.

Резкий, металлический, раздирающий воздух. Удар в пассажирскую сторону. Машину закрутило. Скрежет. Стекло. Подушка. Боль.

Полина вздрогнула и резко села.

Сердце колотилось. Дыхание сбилось. Она снова оглядела комнату. Всё выглядело знакомым и чуждым одновременно. Словно кто-то собрал её прошлое по кусочкам и расставил вокруг, чтобы она поверила. Или чтобы запуталась.

Она потеряла лоб и тут же почувствовала припухлость. Прямо посередине. Кожа была горячей, натянутой.

Полина встала с кровати. Ноги слушались плохо, но удержали. Она подошла к узкому напольному зеркалу, стоявшему у стены.

По краям на нём были наклеены наклейки из жвачек. Яркие, с голограммами, с какими-то героями мультиков. В её детстве продавались такие жвачки, а внутри — бонусом —

наклейка. Она собирала коллекцию, клеила их на зеркало. Сначала аккуратно, по краям, потом — как придётся.

Полина помнила, что это зеркало разбилось. Отец делал ремонт и случайно задел его стремянкой. Тогда она уже уехала из города и училась в университете. Ей даже не было жалко.

Но сейчас зеркало стояло перед ней. Целое. И каждая наклейка была на своём месте.

— Быть не может, — прошептала Полина. — Бред какой-то.

Она уставилась на себя и замерла.

Из зеркала на неё смотрела девчонка с длинными спутанными волосами. Они пушились, электризовались, торчали в стороны. Никакой чёлки, никакого глубокого чёрного цвета. Прежний цвет волос. Прежняя причёска. Прежнее лицо.

Полина подошла ближе, всматриваясь в каждую черту.

Она будто помолодела. И пополнила. Черты стали мягче, скулы — не такими острыми, кожа — бледной, с заметными порами. Она уже забыла, что когда-то была такой.

Это было страшное, пугающее чувство — будто ты не ты. Твоё отражение врёт. Будто кто-то подменил её изнутри, оставив снаружи чужую оболочку.

Полина потрогала свои руки, волосы, скулы. Это она. Сомнений нет. Она, но из прошлого.

В горле поднялся ком. Голова слегка закружилась. Всё выглядело реальным и невероятным одновременно.

Она перевела взгляд вниз. На ней была пижама — розовая, с зайчатами. Та самая, из подростковых лет. У кровати стояли пушистые домашние тапки.

Полина тихо рассмеялась. Смех вышел нервным, сухим, без настоящего веселья. Она не понимала, что происходит.

А потом увидела его.

Прыщ.

Красный, налившийся, расположенный ровно посередине лба. Он неприятно тянул, мешал, возвышался над кожей.

Полина выругалась сквозь зубы.

Она уже забыла, что такое проблемная кожа. Забыла, сколько сил уходило на борьбу с высыпаниями, на маски, примочки и бесконечные переживания перед зеркалом. Взрослая Полина ходила к косметологам, ухаживала за собой, соблюдала диету, сдавала анализы. А эта девчонка в отражении, похоже, даже не помнила, что такое тональный крем.

Полина снова оглядела комнату.

Старые тетради. Компьютер с пузатым монитором. Пижама. Зеркало. Прыщ.

Она вдруг осознала всё с пугающей ясностью.

Она находится где-то в далёком прошлом. И не понимает, почему это произошло. И почему всё настолько реально.

За окном медленно светлело. Где-то за стеной тикали часы. Пахло пылью, старым деревом и чем-то неуловимо домашним. И от этого запаха становилось ещё тревожнее.

Полина стояла посреди комнаты, прижимая ладонь к груди, и чувствовала, как внутри разрастается холодное, липкое осознание: случилось что-то, чего она не может объяснить. И это что-то — только начинается.

* * *

Полина стояла посреди комнаты, сверля взглядом своё отражение. Прыщ на лбу пульсировал, будто жил собственной жизнью, и это бесило её до белого каления. Она машинально, как много лет назад, направилась к комоду. Руки сами потянулись к верхнему правому ящику.

Внутри царил бардак. Полина торопливо зашарила ладонью среди вещей, надеясь отыскать мазь от прыщей. Пальцы натыкались то на старые резинки для волос, то на смятые бумажки, то на какие-то фантики. Сердце колотилось часто-часто.

«Это всё сон, — уговаривала она себя. — Просто сон. Или розыгрыш. Или какая-то дурацкая галлюцинация. Сейчас всё прекратится».

Она хотела верить в это так сильно, что почти поверила. Почти. Но запах пыли, шершавая ткань старого ковра под босыми ногами и липкое прикосновение пластиковых мелочей в ящике были слишком настоящими.

Под ладонь попала валентинка. Полина вытащила её и поднесла к глазам. Белый плюшевый мишка, нарисованный на глянцевого бумаге, поблескивал серебристыми блёстками. Внизу алело нарисованное сердечко. На обратной стороне — неровная надпись: «Андрею».

Полина глотнула. Она хотела подарить эту валентинку Андрею на день святого Валентина, но так и не решилась. Валентинка осталась лежать в комод, как немой укор. И вот снова попала ей в руки. Полина смяла её в комок и швырнула в сторону мусорной корзины у письменного стола. Бумажный комок ударился о край и с тихим шорохом упал внутрь. С меткостью у нее всегда было хорошо.

Мазь нашла на дне ящика. Маленький тюбик с облезшей этикеткой. Полина схватила его и подбежала к зеркалу, выдавливая густую белую массу на палец. Она нанесла её на прыщ толстым слоем, будто этим можно было спрятать его существование. Слой лёг неровно, жирно. Отражение смотрело на неё с укором.

Этот прыщ унижал её. Полине казалось, что он — единственное, что видят все вокруг. Что из-за него она кажется нелепой, глупой, некрасивой. Сейчас ей было двадцать девять? Нет. Сейчас ей было семнадцать. И это ощущение она помнила слишком хорошо.

Полина отвернулась от зеркала и пошла в ванную. Ванная примыкала прямо к её комнате — отец сделал отдельный санузел, когда ей было четырнадцать. Сам он любил читать газету в своём, не спеша, а ей оставил этот уголок для уединения. Тогда это казалось чудом. Сейчас — ещё одной деталью прошлого, которая так некстати оживала.

Она намочила виски холодной водой, оперлась ладонями о края раковины и посмотрела в маленькое зеркальце. Глаза в отражении были испуганные, покрасневшие. Волосы топорщились в разные стороны.

«Спокойно. Это сон. Я закрою глаза, досчитаю до трёх, и всё закончится», — прошептала она.

Полина зажмурилась, сжала веки до белых пятен. Раз. Два. Три.

Открыла.

Ничего не изменилось.

Она задышала чаще и заговорила сама с собой. Шёпотом, сбивчиво, как делала в детстве, когда боялась темноты.

— Это сонный паралич. Так бывает. Слишком реалистичный сон. Это пройдёт. Сейчас пройдёт.

Только вот почему-то не проходило. И от этого становилось ещё страшнее.

Прыщ продолжал напоминать о себе. Полина вспомнила, как в школьные годы замазывала прыщики тоналкой. Это было бессмысленно, но тогда казалось спасением. Сейчас она знала, как надо ухаживать за кожей, знала, что выдавливать нельзя, что нужно меньше прикасаться, но внутри будто проснулась прежняя девчонка, которая не умела сдерживаться.

Она отыскала на полке тональный крем, нанесла на прыщ, растёрла. Выглядело убого. Слой лёг пятном, подчеркнув и без того заметное воспаление. Полина торопливо смыла и тоналку, и лекарство. Но руки чесались. Зуд начинался где-то в кончиках пальцев и поднимался к локтям, становился невыносимым.

Она снова поднесла пальцы к лицу.

— Нет, — прошептала она.

Но руки не слушались.

Она нажала. Кожа вспыхнула болью. Прыщ не поддавался, но кожа вокруг покраснела, будто её обожгли. Лоб стал выглядеть в десять раз хуже. Полина замерла, глядя в зеркало. По щекам покатались слёзы.

Она расплакалась — тихо, горько, как плачут подростки, которым кажется, что мир рухнул из-за одного прыща. Взрослая, рассудительная Полина будто отошла в сторону и стала наблюдателем. Она не могла справиться с этим потоком эмоций, чувств и переживаний. Словно её двадцатидевятилетнее «я» сжалось и спряталось где-то внутри, а снаружи осталась та самая растерянная девчонка, которая ненавидела своё отражение.

Полина вышла из ванной. Внизу, на первом этаже, что-то зашумело. Хлопнула дверца шкафа, звякнула посуда. Звуки кухни. Она узнала их раньше, чем успела подумать. Телевизор тихо бормотал голосом диктора новостей. Значит, готовка. Значит, дом жил своей обычной утренней жизнью.

Полина замерла.

Мысль поразила её, как молния.

Выпускной!

Она судорожно замотала головой, отступая назад.

— Нет. Нет-нет-нет. Быть такого не может.

Но взгляд уже упал на большой настенный календарь возле письменного стола. На нём красным жирным фломастером, в форме кривоватого сердечка, было обведено число. 28 июня.

Сегодня.

Полина устало плюхнулась на стул. Ноги не держали. Она смотрела на календарь и не могла поверить.

Из всех дней в её жизни, из всех локаций и миров её тревожно реалистичный сон закинул в самый худший день. В тот самый, который она старалась забыть. В тот, который вычеркнула из памяти так тщательно, что убедила себя, будто его не было.

Это была её ахиллесова пята. Даже годы терапии не смогли вынуть из неё тот ужас. Про этот день она не рассказывала никому. Ни подругам, ни психологу. Ни отцу.

И вот она здесь.

Сегодня её школьный выпускной.

И она не была готова пережить его заново. Но, похоже, у её подсознания были другие планы.

В дверь постучали.

Полина вздрогнула и уставилась на дверь, не смея пошевелиться.

— Полина, ты проснулась? — раздался голос.

До боли знакомый. Родной. Немного певучий, тёплый, с домашней интонацией, которую она боялась забыть и всё же слышала иногда во сне.

Полина замерла. Подбородок задрожал. Губы — тоже. Она перестала дышать. Внутри всё оборвалось и поднялось к горлу.

За дверью снова послышалось:

— Ты платье померила? Я вчера так и не увидела тебя в нём.

Дверь начала открываться.

Полина хотела закричать, спрятаться, исчезнуть. Но тело будто приросло к стулу.

Дверь отворилась.

На пороге стояла мама.

Полина смотрела на неё, не мигая. В груди что-то сжалось до боли. Она хотела вдохнуть — и не смогла.

— Мама? — выдохнула она шёпотом.

И этот шёпот повис в воздухе, как тонкая нить между прошлым и тем, что не должно было происходить.

Глава 3

Полина смотрела на маму, не моргая. Ей казалось, что если она закроет глаза хотя бы на секунду, то всё исчезнет. Комната, утренний свет, запах дома — и мама. Особенно мама.

Женщина нахмурилась, вгляделась в лицо дочери. Уголки её губ дрогнули.

— Поля, ты чего? — тихо спросила она и шагнула ближе.

Тёплая ладонь легла на лоб. Прикосновение было лёгким, бережным, совсем как в детстве, когда Полина прибегала к маме с выдуманными болячками. Пальцы пахли мылом, а от рукава тянулся едва уловимый аромат теста.

Слёзы накатили мгновенно, горячие, неудержимые. Полина вцепилась в этот запах, как утопающая в последнюю опору. Блины. Мама всегда пекла их по утрам, по своему особенному рецепту, с хрустящими краешками и мягкой середкой.

— Поля, что случилось? — мамин голос стал тревожнее. — Тебе плохо? Может, таблетку?

Полина не ответила. Она резко подалась вперёд и обняла её. Сильно. Отчаянно. Так, будто между ними могла разверзнуться пропасть, и только это объятие удерживало их на краю.

Мама была живая. Тёплая. Настоящая.

Полина прижалась лицом к её плечу, вдохнула глубже. Слёзы пропитывали ткань, но она не отстранялась. Ей хотелось замереть в этом мгновении навсегда. Чтобы никто не входил, чтобы не звенел будильник, чтобы не наступал выпускной, чтобы не существовало ни вчера, ни завтра.

— Господи, да что с тобой? — мама мягко погладила её по спине. — Ты чего ревёшь?

Полина не могла ответить. Слова застревали в горле, как будто кислород испарился из легких и все вокруг стало невесомым. Она лишь покачала головой, боясь, что мама отстранится. Но та не спешила. Она обняла в ответ, слегка покачивая её, будто ребёнка.

— Всё будет хорошо, — прошептала мама. — Слышишь? Всё будет хорошо.

Полина зажмурилась. Ей было всё равно, что подумает мама. Всё равно, что это невозможно, что это бред, что так не бывает. Мама была рядом. Живая. Самая любимая. И злость, растерянность, страх — всё это отступило, растворилось в тёплой волне счастья, которая затапливала её изнутри.

Она отстранилась совсем чуть-чуть, только чтобы рассмотреть родное лицо. Высокий лоб, родинка над левой бровью, светлые глаза с морщинками в уголках. Полина смотрела жадно, впитывая каждую чёрточку, будто могла унести их с собой.

— Ну всё, будет, — мама улыбнулась. — А то глаза будут красные, как у кролика. Моя доча на выпускном должна быть красивой.

Полина судорожно вытерла слёзы. Нельзя пугать её. Для мамы этот день был обычным. Так пусть таким и останется.

— Я просто... — голос дрогнул. — Я так скучала.

Мама удивлённо моргнула.

— Когда? Мы же вчера весь вечер разговаривали.

Полина снова обняла её, уже не так сильно, но всё ещё не в силах отпустить.

— Неважно. Просто пообещай, что не уйдёшь.

— Куда я уйду из собственного дома? — мама тихо засмеялась и погладила её по волосам. — Ты перегрелась, что ли? Или это всё нервы перед выпускным?

— Наверное, — Полина кивнула.

Мама задержала на ней взгляд. В нём было столько любви, что Полине снова стало больно. Такая любовь не могла закончиться. Но она закончилась. Восемь лет назад.

— Платье давай померим, — мама отвлекла её от тяжёлых мыслей. — Вчера так и не увидела тебя в нём. Если что-то не так — исправлю, время ещё есть.

Она отошла к двери, но обернулась и скептически осмотрела лоб Полины. Взгляд задержался на воспалённом бугорке.

— Не трогай лицо, — строго сказала она. — Завтрак почти готов. Спускайся, пока блины тёплые.

И вышла, тихо затворив за собой дверь.

Полина осталась в комнате. Она стояла, прижав ладонь к груди, и всё ещё чувствовала тепло маминых рук. Потом подошла к кровати и медленно опустилась на край.

На лице сама собой появилась улыбка. Сначала робкая, недоверчивая, а затем — шире. Полина тихо рассмеялась. Смех вышел лёгким, звенящим, как у ребёнка. Она обняла себя за плечи и покачалась вперёд-назад, закрыв глаза.

Она не могла поверить, что снова обняла маму. Это было невероятно тёплое чувство. Оно разливалось по телу, как мёд, согревало изнутри, вымывало страх и одиночество. В этом чувстве было всё, чего ей не хватало годами.

Теперь, когда первый шок отпустил, Полина начала потихоньку вспоминать тот самый день. Выпускной. 28 июня. Она помнила его смутно, урывками, будто смотрела старую плёнку с царапинами. Да, он был ужасным. Да, она хотела его забыть. Но сейчас, сидя в своей комнате, с запахом блинов, доносящимся снизу, она вдруг приняла твёрдое решение.

Она просто будет идти по следам воспоминаний. Поплывёт по течению. Пусть этот день и был худшим в её жизни, но у него было одно невероятное преимущество. В нём была мама.

И ради этого Полина готова была прожить его заново. До конца. До последней минуты.

А потом она проснётся. Проснётся и долго будет вспоминать этот сон. Каждую деталь, каждый запах, каждое прикосновение. Сохранит его в себе, как старую фотографию в бумажнике.

Где-то внизу зашипела сковорода, забубнил телевизор, тихо скрипнула половица. Полина встала, расправила плечи и, всё ещё улыбаясь, пошла к шкафу. Там, на плечиках, должно было висеть её выпускное платье. То самое. Из её прошлого.

Она коснулась ткани кончиками пальцев — и вздрогнула.

Потому что впервые за много лет ей хотелось надеть его снова.

Полина погрузилась в воспоминания, как в медленное, но настойчивое течение реки. Оно подхватывало её, несло вниз, и сопротивляться не было сил. Она действовала автоматически, будто разьединившись с собственным непривычным телом. Руки сами открыли шкаф, нащупали вешалку, вытащили платье.

Бардовое. Мама сшила его для неё.

Полина провела ладонью по плотной ткани и вздрогнула. Память, словно разматываемый клубок, подкидывала обрывки прошлого. Мама долго искала такую ткань. Ездил за ней в другой город. Отстояла очередь в одном из самых больших магазинов тканей. Но отрез кончился прямо перед ней. Она хотела сделать дочери подарок, потому что купить готовое платье, которое понравилось Полине, им было не по карману. А другое Полина носить отказывалась.

Полина содрогнулась от воспоминаний о том, какой была капризной. Истерика. Бойкот. Надутые губы. «Значит, на выпускной я вообще не пойду!» — кричала она тогда, хлопнув дверью. А мама не спала неделю. Искала ткань, договаривалась, ездила за тридевять земель, а потом сутками сидела за швейной машинкой.

Платье и вправду смотрелось ужасно. Точнее, оно не было ужасным, но на её полноватой подростковой фигуре сидело не так, как мечталось. Мама была хорошей швеёй, но шила практично, без той лёгкости и элегантности, о которой грезил Полина. Увидев себя в нём впервые, она едва не расплакалась. «Оно меня полнит!» — выкрикнула она, а мама отвернулась, чтобы дочь не видела её обиды.

Сейчас Полина стояла перед зеркалом и снова видела ту девочку, которой хотелось быть воздушной. А вместо этого — тесная талия, перетянутая тканью, и юбка, которая не спадала красивыми волнами, а сидела плотно, как чехол.

Она надела платье. Оно чуть жало в талии и бедрах. Полина глубоко вздохнула и решила, что будет просто повторять тот день. Чем ещё заняться в таком затейливо реалистичном сне?

Дальше — причёска.

Полина достала старенькие щипцы для завивки. Они лежали на полке, как экспонат из давно забытой эпохи. Она никогда не умела делать укладку. Даже во взрослой жизни. Перед важными мероприятиями ходила в салон, а в обычные дни не заморачивалась или просто выпрямляла волосы. Но сейчас нужно было как-то справиться.

Задача оказалась непосильной. Локоны либо вообще не завивались, либо ложились торчком, смотрели в разные стороны. Полина вся вспотела, щеки покраснелись, а руки затекли от неудобного положения. Прядь на макушке безнадёжно запуталась и превратилась в пушистый колтун.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у неё.

Она дёрнула щипцы сильнее. Поздно. Волосы намотались на горячий металл. Запахло горелым. Полина в ужасе выдернула вилку из розетки.

— Ненавижу! — в сердцах выкрикнула она. — Никуда я не пойду!

И тут же осеклась. Ведь именно так она кричала тогда. В тот самый день. До дрожи одинаково. До мурашек.

Полина сглотнула. Да уж. Она вспомнила, почему так ненавидела этот день. За то, что всё шло не так. За то, что мир будто сговорился против неё. За то, что она не могла выглядеть идеально в свой собственный выпускной.

Щипцы не вытаскивались. Духу вырезать клочок волос не хватило. Полина обречённо выдохнула, поправила платье и вышла из комнаты.

Узкая деревянная лестница тихо поскрипывала под шагами. Она спустилась на первый этаж и попала в гостиную, а оказавшись там — замерла.

Эта комната была как машина времени. Мягкий диван с потёртыми подлокотниками, старый ковёр на полу, мебельная стенка с хрустальными бокалами за стеклом. На подоконнике — фиалки в белых горшках. Пахло деревом, краской и чем-то тёплым, домашним.

Полина медленно обвела взглядом стены. Часы с кукушкой, которые вечно отставали. Семейные фотографии на полке. Тонкая дорожка на полу, которую мама стирала каждую весну. Всё было на своих местах. До мельчайших подробностей. До того, что не придумать и не удержать в голове нарочно.

Она ущипнула себя за руку. Сильно. До боли.

Ничего.

Боль была. А пробуждение — нет.

Полина постояла ещё несколько секунд, прислушиваясь к ощущениям. Сознание упорно отказывалось возвращать её в реальность. Нет. Сейчас реальность была здесь. И она пахла блинами.

Полина прошла на кухню.

Кухня встретила её шумом и теплом. Папа сидел за столом, смотрел футбольный матч и колот грецкие орехи. Старый телевизор стоял в углу на специальной подставке. Рядом — деревянный шкафчик с посудой, вышитые полотенца, на плите блеснул эмалированный чайник.

— О, красавица проснулась, — буркнул отец, мельком глянув на дочь.

Мама обернулась от плиты. В руках у неё была большая тарелка с дымящимися блинами.

— Садись, горяченькие.

Полина улыбнулась. На глаза снова навернулись слёзы, но она сдержала их. Она и забыла, как ей не хватало их завтраков. Этого шума телевизора, тихих перебранок родителей, стука ореховой скорлупы. Здесь всё было родное. До щемящей боли родное.

Мама вдруг ахнула.

— Это что у тебя в волосах?!

Она всплеснула руками и подлетела к дочери. Полина закатила глаза.

— Щипцы. Не снимаются.

— Смажь маслом, — спокойно посоветовал папа, не отрываясь от экрана.

Мама схватила бутылку подсолнечного масла и уже хотела намазать Полине голову, но та отскочила.

— Нет! Мам, только не это. Я сама.

— погоди, зачем сама? Дай помогу.

— Мам, я серьёзно. Не надо.

Мама недовольно покачала головой, но отступила. В её взгляде читалась та самая особая тревога, которая была свойственна только матерям: смесь беспокойства и желания немедленно всё исправить.

Полина собралась было сесть, но в прихожей раздался звонок.

Она вздрогнула. Кто-то пришёл.

Не помнила, кто приходил в тот день. Память заботливо стёрла этот кусок, как ластиком. Но сегодня он возвращался. Полина быстро пересекла гостиную, распахнула дверь и увидела на пороге знакомое лицо.

Катюха.

Девчонка с большими серыми глазами, светлой кожей, курносый нос и круглым личиком. В руках — маленькая косметичка.

— Привет, Поля! — весело сказала Катя.

Глава 4

Полина улыбнулась Кате, но взгляд её невольно скользнул по лимонно-жёлтому платью подруги. Оно было слишком коротким и безжалостно открывало располневшие ноги девушки. Полина смутно вспомнила, как они вместе выбирали это платье в маленьком магазинчике на окраине Подгорска. Катя тогда вышла из примерочной, покрутилась перед зеркалом и спросила с надеждой: «Ну как?» А Полина поддакнула, что та выглядит хорошо. На самом деле платье смотрелось ужасно, но сказать об этом вслух она не решилась.

— Проходи, — сказала Полина, отступая в сторону.

Они вместе вошли на кухню. Виктор Семенович поднялся из-за стола, бросил короткий взгляд на девушек и усмехнулся.

— Пойду-ка я в зал. А то в моём доме стало слишком много женщин.

Мама рассмеялась, а папа, прихватив миску с орехами, скрылся за дверью. Катя тут же принялась раскладывать на кухонном столе, где совсем недавно стояли горячие блинчики, свою косметику. Полина опустилась на табурет и с лёгкой улыбкой рассматривала названия дешёвых брендов, которые спустя десять лет уже не встретишь на полках. Но Катя была воодушевлена. Надо признать, макияж она себе сделала неплохой — ровный тон, аккуратные стрелки, блеск на губах.

Полина вдруг задумалась, чем сейчас занималась Катя. Во взрослой жизни. Кажется, из Подгорска она так и не переехала. Вышла замуж за местного, родила двоих, работала в детском саду. Такая простая, спокойная судьба. Без амбиций и вечной гонки.

Мама Полины подошла к домашнему стационарному телефону, сняла трубку и принялась набирать номер. Диск закрутился с характерным треском, и Полина замерла, прислушиваясь. Этот звук она не слышала целую вечность. Он был из детства, из тех времён, когда телефон стоял на тумбочке в прихожей и звонил громко, на весь дом.

— Подмога уже в пути, — сказала мама, повесив трубку. — Причёску спасём.

Полина грустно усмехнулась.

— Я вообще не хочу идти.

— Ой, да брось, — отмахнулась мама.

— День будет ужасным, — произнесла Полина, как пророчество.

Но на её горькие слова никто не обратил внимания. Катя уже открывала баночку с тональным кремом, а мама снова попыталась вытащить щипцы из волос. Полина вдруг осознала, что в тот день её собирали, как на вручение Нобелевки или как на военный парад, а не на обычный выпускной. Все суетились, бегали, что-то советовали. Это было мило. Они пытались поддержать. Все.

А она тогда сходила с ума от злости на них. На всех, кто кружился над ней в попытках помочь. Ей казалось, что они не понимают, что её жизнь рушится из-за прыща, из-за платья, из-за дурацких волос. А теперь, из своего двадцатидевятилетнего далека, Полина видела, как глупо было злиться. Эх, молодость, юность и максимализм. Ничего не бывает идеально, и это, к сожалению, понимаешь только с возрастом.

Катя принялась за макияж. Лёгкими движениями нанесла основу, тональный крем, потом пудру. Полина послушно закрывала глаза, подставляла лицо, но внутри у неё всё сжималось от грусти и злости. Она знала, что придётся ехать на выпускной. Знала, что придётся увидеть Оксану, Андрея, ту чокнутую училку, которая сломала ей самооценку. Андрей... О нём были и приятные, и не очень приятные воспоминания. Полина вдруг очнулась от размышлений. Ведь в той реальности, где она жила, Андрей погиб. Жалко. А то бы она с удовольствием узнала, как сложилась его жизнь.

Идея посетить адов выпускной уже не казалась такой неудачной. По крайней мере, она его увидит снова.

Катя закончила. Пудра мягко легла на лицо, скрыв покраснения, но прыщ всё равно проступал под тональным слоем. Мама пошла открывать дверь. Полина услышала звонкий голос, который не спутала бы ни с чьим другим.

Тётя Эля.

Ну конечно. Мамина подружка.

Полина зло взглянула на вошедшую и даже не поздоровалась. Та впорхнула на кухню, как фейерверк: яркая, шумная, говорливая. Огненно-рыжие волосы, тонкие сигаретки в сумочке, звонкий смех. Эльвира была парикмахером в местной парикмахерской и умела создавать вокруг себя суету.

— Ой, девочки, ну и красота тут у вас! — затараторила она. — Катюша, ты как куколка! А Поля-то у нас невеста!

Катя, с набитым ртом, только улыбнулась, уплетая очередной блин со сгущёнкой. Тётя Эля отвесила ей нелепый комплимент, а потом пошутила про выпускной. Как показалось Полине — на грани. И потрепала её по щеке.

Полина сжала зубы. Эта женщина когда-то займёт место её мамы. Будет сидеть за этим столом, пользоваться этой посудой, спать в её спальне. От этой мысли внутри всё переворачивалось.

Тётя Эля приступила к волосам. Ловко, быстро, без лишних церемоний она начала выпутывать прядь из щипцов. Полина морщилась и смотрела на маму. Красивую, спокойную, всё понимающую. Как бы она отреагировала, если бы узнала, что её муж и лучшая подруга будут вместе? Полина вдруг подумала, что мама приняла бы всё тихо. Она была доброй и всем всё прощала. Даже предательство.

Но Полина простить не могла.

— Ой! — дёрнулась она, когда тётя Эля слишком сильно потянула прядь.

— Потерпи, — строго сказала Эльвира.

— Можно поаккуратнее?

— А можно не хамить?

Полина промолчала. Лишь вцепилась пальцами в край табурета.

Они провозились ещё минут двадцать. В итоге пришлось всё же отрезать клочок волос. Тётя Эля тут же подровняла остальные и принялась за причёску. Полина почти не следила за её движениями. Она сидела, глядя в одну точку, и думала о том, как странно устроена жизнь. Вот есть женщина, которая сейчас так старательно помогает ей, а через несколько лет она станет ей почти мачехой.

— Готово, — объявила Эльвира.

Полина встала и вышла в прихожую, где стояло большое зеркало. Подошла. Взглянула.

И у неё дар речи пропал.

Ну и дура колхозная.

Она засмеялась. Сначала тихо, потом всё громче. Это был скорее истерический смех, чем весёлый. Из зеркала на неё смотрела девочка с пышной, какой-то нелепой причёской, с чужеродным блеском на лице и бардовым платьем, которое не делало её краше.

А за её спиной в непонимании таращились трое: мама, Катя и тётя Эля.

— Поля, ты чего? — тихо спросила мама.

Полина не могла остановиться. Она смеялась и чувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Потому что всё повторялось. Потому что она снова была той самой неуклюжей, злой, несчастной девочкой, которая ненавидела этот день. И одновременно — взрослой женщиной, которая отдала бы всё, чтобы ещё раз вот так стоять перед этим зеркалом, пока мама жива.

Катя поймала Полину за локоть и потянула в сторону, подальше от кухни и любопытных ушей. В её глазах плескалась тревога.

— Слушай, что у тебя происходит? — тихо спросила она.

Полина стояла у зеркала в прихожей и пыталась поправить размазанную тушь. Чёрные разводы тянулись под глазами, как следы усталости, и делали лицо ещё более растерянным.

— А что у меня происходит? — удивлённо переспросила она, не отрываясь от отражения.

— С Оксаной, — уточнила Катя.

Полина пожала плечами, вытащила из сумочки ватный диск и налила на него немного средства для снятия макияжа. Запахло розовой водой. Она принялась стирать всё, что Катя старательно наносила несколько минут назад.

— Ты что делаешь? — Катя вытаращилась, переводя взгляд с ватного диска на лицо подруги.

Полина тяжело вздохнула.

— С Оксаной всё по-прежнему. Эта дура для меня больше не существует. Хочет крутить шуры-муры с Андреем — вперёд. Но я ей этого не прощу.

Катя моргнула. Потом ещё раз.

— Поля, я не про это. Зачем ты всё стираешь?

Полина закатила глаза. На секунду ей стало до чёртиков скучно. Как будто она снова семнадцатилетняя, и весь мир вертится вокруг каких-то Оксан, Андреев и дурацкого выпускного.

— Этот макияж, как у бабки с рынка, — отчеканила она, не глядя на подругу. — Лучше перестань делать из себя великого визажиста и уродовать людей.

Слова вылетели быстро, жёстко, сами собой. Полина сама от себя не ожидала. Грубо. Хлестко. Так она сказала много лет назад, и вот теперь повторила слово в слово.

Катя побледнела. Лицо её вытянулось, губы сжались в тонкую линию.

— Понятно, — произнесла она глухо.

Развернулась и вышла из прихожей. Полина смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри поднимается тошнотворная волна вины.

— Прости, — тихо сказала она.

Но Катя уже ушла и не слышала.

Полина выдохнула, схватила тональный крем и стала быстро наносить макияж заново. Так, как считала нужным. Руки дрожали. Ей хотелось одновременно плакать и крушить что-нибудь. Она злилась на себя, на Катю, на всё, что происходило.

«Ну подумаешь, сказала правду этой корове. Что это могло изменить?»

Она вошла на кухню. Катя сидела за столом и с каменным лицом уплетала остатки шоколадного торта. Полина скользнула по ней взглядом и вдруг заметила то, чего не видела тогда, много лет назад. Отёкшие ноги. Избыточный вес, появившийся недавно. Неумеренный аппетит.

Ну дела.

Полина медленно опустилась на табурет. В тот день она и понятия не имела, что происходит с Катей. А теперь, кажется, начала понимать.

Но молчала. В любом случае, не ей сейчас читать нотации.

Катя с набитым ртом подняла голову.

— Скоро Сёма подъедет. Отвезёт нас к школе.

Полина кивнула и взяла в руки свой старый телефон. Маленький кнопочный аппарат в розовом чехле. Мило и жутко неудобно. Она покрутила его в ладони, вспоминая, как раньше казалось, что лучше этого телефона ничего нет.

— Ты езжай с Сёмой. А за мной заедет Эдик, — спокойно сказала она.

Катя поперхнулась. Закашлялась, замахала рукой.

— Кто? — прохрипела она.

— Эдик.

Катя закашлялась сильнее. Мама быстро подала ей стакан воды. Тётя Эля похлопала её по спине.

— Катюш, всё хорошо? — участливо спросила Эльвира.

— Да, — выдавила Катя и, отпив глоток, сорвалась с места.

Она бросилась в ванную со всех ног. Кажется, торт оказался лишним и настойчиво просился наружу.

Мама Полины и тётя Эля переглянулись. Понимающе. Как-то по-взрослому, по-женски. Полина заметила этот взгляд и мысленно удивилась: кажется, эти двое тогда уже всё поняли.

Телефон завибрировал.

Полина опустила глаза. На маленьком экранчике высветилось имя.

«Андрей».

Она замерла. Внутри всё оборвалось и тут же забилось с новой силой. Давно забытая дрожь прокатилась по телу, от затылка до кончиков пальцев.

Он звонил. В тот самый день. Как она могла забыть?

Полина смотрела на мерцающий экран, не решаясь ни нажать, ни сбросить. Палец завис над кнопкой. Сердце стучало в горле.

Андрей звонил ей.

В этот самый момент.

Глава 5

Полина смотрела на телефон, не решаясь пошевелиться. Экран мигал, высвечивая имя, от которого у неё до сих пор всё внутри переворачивалось. Андрей. Он звонил ей. Тогда. В тот самый день. Пальцы предательски дрожали, а ладонь стала влажной. Дыхание сбилось. Она вдруг ощутила, как тесно ей в этом теле, в этом платье, в этой прихожей, где пахло мамиными блинами и немного лаком для волос.

Она вспомнила ту себя. Семнадцатилетнюю. Растерянную. Влюблённую. Тогда, много лет назад, этот звонок стал для неё ударом. Она не знала, чего ждать от Андрея. Боялась его голоса. Боялась, что он скажет. Боялась, что он ничего не скажет. А теперь боялась заново пережить ту минуту, которая, как ей казалось, стёрлась из памяти навсегда.

Щёки горели. Полина чувствовала, как по спине пробежал ручеёк пота. Она так и не нажала кнопку. Телефон продолжал вибрировать, пока звонок не сбросился сам. Экран погас.

Из ванной вышла Катя. Бледная, с прилипшими к вискам прядями. Она двигалась осторожно, будто боялась сделать лишнее движение.

— Всё в порядке? — встревоженно спросила мама Полины. — Может, приляжешь?

— Нет, — сухо ответила Катя. — Сёма уже подъехал.

Она говорила тихо, но в голосе звенела обида. Полина видела, как подруга избегает её взгляда, как нервно тербит ремешок сумочки.

— Ты не передумала ломать комедию перед Оксаной? — спросила Катя, наконец подняв глаза. — И заявиться с её женихом под ручку на выпускной?

Полина хмыкнула. Она вспомнила, как в тот день эта идея казалась ей блестящей. Эдик — бывший парень Оксаны. Красивый, дерзкий, из-за которого та до сих пор переживала. Полине хотелось утереть ей нос, показать, что она тоже способна прийти не одна.

— Парень бывший, — холодно ответила Полина. — А комедия — не мой любимый жанр.

Мама смотрела на неё с лёгкой тревогой. Она подошла ближе и поправила выбившуюся из причёски прядь.

— Поля, точно всё в порядке? Может, мне с тобой поехать? Для поддержки.

Полина мягко обняла её. Прижалась щекой к плечу, вдохнула родной запах. Ей хотелось бы, чтобы мама поехала. Но нет. Нет, не в этот раз. Она помнила, каким позором обернётся этот день. И не хотела, чтобы мама это видела.

— Не стоит, мам, — тихо ответила она. — Всё будет нормально.

Мама недоверчиво взглянула на неё, но не стала спорить. Полина взяла телефон и набрала номер Эдика. Гудков почти не было.

— Поля, привет! — раздался бодрый голос в трубке. — Я уже выезжаю. Минут пять — и у твоего дома.

Полина сбросила звонок и повернулась к Кате.

— Я поеду с Эдиком. А ты со своим женишком. Заодно в аптеку заехать можете.

Катя нахмурилась.

— В аптеку? Зачем?

Полина не стала объяснять. Она лишь выразительно глянула на живот подруги. Катя непонимающе моргнула, но переспрашивать не решилась.

Девушки вышли из дома. Улица встретила их золотистым, густым светом позднего июня. Пахло пылью, травой и чем-то сладким — не то акацией, не то перезревшими яблоками из соседнего сада. Полина огляделась. Она помнила эту улицу. Но теперь всё казалось другим. Старые раскидистые деревья, дававшие в детстве прохладу, теперь, в её настоящем, давно спилили. Дорога была залита свежим тёмным асфальтом, тротуар — выложен новой плиткой. А здесь, в этом прошлом, всё выглядело проще, провинциальнее, но живее.

Полина глубоко вдохнула. Воздух был тёплый, чуть пыльный, с лёгкой горчинкой. И он тоже был другим. Или, может, это она изменилась. Она так давно не дышала этим воздухом, что он казался воспоминанием.

Ей вдруг до дрожи захотелось проснуться. Очнуться. Вернуться в своё время, в свою квартиру, в свою жизнь. Не сидеть в этом дурацком платье, не ехать на выпускной, не видеть тех, кого она не хотела видеть. Но наваждение не заканчивалось. Оно держало её крепко, как трясина.

Полина смутно надеялась, что в самый обидный и позорный момент выпускного её всё-таки выбросит обратно. Она очнётся, и прошлое останется в прошлом. Навсегда.

Катя тем временем села на переднее сиденье старенькой машины Сёмы. Она хмуро посмотрела на Полину. В её глазах плескалась обида пополам с непониманием. Полина улыбнулась ей. Мягко. Почти виновато.

Раздался громкий гудок.

К воротам частного дома подъехала блестящая иномарка. Полина невольно залюбовалась. Эдик вышел из машины не спеша, будто зная, что за ним наблюдают. Высокий, с тёмными волосами до плеч, зачёсанными назад. Небольшие тёмные глаза, нос с горбинкой. Он был одет стильно — по временам пятнадцатилетней давности: чёрные брюки, светлая рубашка с расстёгнутым воротом, начищенные туфли.

В руках он держал букет из пяти бардовых роз. Они идеально подходили к цвету платья Полины. Та улыбнулась.

— Привет, Поля, — сказал Эдик, вручая ей цветы. — Ты выглядишь... неожиданно.

Полина усмехнулась.

— Спасибо.

— Ну что, готова ехать?

Она выпрямилась, сжала букет в руке и твёрдо ответила:

— Поехали.

Полина ехала и ловила себя на том, что то и дело поглядывает на Эдика. В салоне пахло кожей и каким-то дешёвым освежителем, подвешенным к зеркалу. Эдик был симпатичным — высокий, с тёмными волосами, зачёсанными назад, с острым профилем. Но не в её вкусе. Тогда, много лет назад, он казался ей взрослым, невероятно притягательным, почти опасным. Словно герой из клипа, от которого у девочек замирало сердце.

Теперь же перед ней сидел обычный мальчик, воображающий себя мачо. Напыщенный. Нервный. Вёл он неуверенно: слишком резко газовал, притормаживал в последний момент, дёргал руль. Наверняка одолжил у кого-то машину. Полина смотрела на его напряжённые пальцы, на то, как он хмурится, и не могла вспомнить, зачем ей вообще понадобилось ехать на выпускной именно с ним.

Эдик Иванов окончил школу в прошлом году. Он был старше, и от этого в глазах шестнадцатилетней Полины казался недостижимым. Они с Оксаной встречались ярко, с ссорами, слезами, клятвами и примирениями. Такие отношения, о которых мечтают девочки-подростки, перечитывая романы о любви. А потом они разошлись. Полина не помнила, из-за чего именно. Но помнила договор.

Полина прикрыла глаза на секунду — и провалилась в воспоминание.

Это было в начале июня, недели за две до выпускного. Она вышла из школы, уставшая после консультации по математике, и сразу увидела Эдика. Он стоял возле школьной калитки, сунув руки в карманы джинсов, и явно кого-то ждал. Полина хотела пройти мимо, но он окликнул её:

— Эй, Малышева! Погоди.

Она остановилась, обернулась. Эдик подошёл неспешно, загородил собой солнце. Высокий, тёмные волосы зачёсаны назад, рубашка с расстёгнутым воротом. От него пахло сигаретами и мятной жвачкой.

— Как Оксана поживает? — спросил он, стараясь говорить буднично, но Полина уловила в голосе лёгкую дрожь.

— А ты как думаешь? — Полина скрестила руки на груди. — Поживает. Счастлива. Готовится к выпускному.

Эдик усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— С кем?

— С Андреем.

Эдик замер. Лицо его сделалось твёрдым, как сжатый кулак. Он отвернулся, глядя куда-то в сторону, и тихо выругался. Потом пнул лавку. Слишком сильно, напоказ. Лавка отозвалась глухим стуком, но ему, кажется, стало не легче.

— Ты поэтому такая злая? — спросил он, не глядя на неё.

— Я не злая, — отрезала Полина. — Меня подруга предала. Лучшая. А он просто пошёл за ней, как телёнок на верёвочке. Хотя она знала, что он мне нравится. Ей плевать на меня. И на тебя тоже. Ей на всех плевать.

Эдик медленно повернулся. В его глазах была та же обида, что кололась внутри Полины. Они смотрели друг на друга, и между ними росло странное понимание. Два человека, которых бросили. Два человека, которым было больно, но они не хотели в этом признаваться.

— Значит, он теперь с ней, — проговорил Эдик, сунув руки обратно в карманы.

— И они вместе идут на выпускной.

— А ты?

Полина дёрнула плечом.

— А что я? Пойду одна. Или не пойду вообще.

Эдик покачал головой.

— Нельзя не пойти. Это твой праздник.

— Да какой это праздник? — Полина фыркнула. — Все будут смотреть на них. А я буду стоять, как дура, и делать вид, что мне всё равно.

Эдик помолчал. Потом хмыкнул, почесал бровь и вдруг сказал:

— А давай пойдём вместе?

Полина удивлённо подняла брови.

— Зачем?

— Ну... чтобы показать им. Пусть видят, что мы не бегаем за ними. Пусть поймут, каково это — когда тебя бросают.

Он говорил с вызовом, но Полина слышала, как за этим вызовом дрожит мальчишеская обида. Он не хотел мстить. Он хотел доказать Оксане, что у него всё хорошо. И себе — тоже. Полина понимала его. Потому что сама хотела того же.

— Думаешь, это сработает? — спросила она тихо.

— Не знаю, — Эдик пожал плечами. — Но попробовать можно.

Полина задумалась. Внутри боролись страх и желание хоть что-то сделать. Ей надоело быть девочкой, которую обошли. Надоело молчать и ждать. Хотелось хоть раз поступить так, чтобы они заметили. Чтобы Оксана перестала улыбаться так самодовольно.

— Ладно, — выдохнула она. — Давай.

Эдик кивнул, будто они только что заключили сделку. Протянул ей руку. Полина посмотрела на неё с сомнением, но всё же пожала. Ладонь у него была тёплая, сухая, с шершавой кожей. Настоящая. Будто они и правда были союзниками.

— Только учти, — добавил он, — машину я не вожу. Ну, не свою. У брата возьму.

— Ты и с машиной постарался, — усмехнулась Полина.

— А ты тогда платье погладь, — не остался в долгу Эдик. — Чтобы уж наверняка.

Оба рассмеялись. Напряжение отпустило. Впервые за долгие дни Полине стало легче. Не потому что боль ушла. А потому что она нашла кого-то, кто чувствовал то же самое.

Она открыла глаза. Машина как раз притормозила у светофора. Эдик искоса глянул на неё.

— Ты чего улыбаешься?

Полина качнула головой.

— Да так. Вспомнила кое-что.

Эдик хмыкнул и снова уставился на дорогу. А Полина всё смотрела на него и думала, что сейчас он совсем не кажется ей ни взрослым, ни опасным. Просто мальчик, который всё ещё любил Оксану. И который, в отличие от неё, не знал, чем обернётся этот вечер.

Теперь Полина вспоминала этот разговор без злости. Скорее с недоумением. Ей хотелось бы вернуться в себя прежнюю и спросить: «Ну и зачем тебе это? Зачем весь этот цирк?» Но она уже была здесь. И менять что-то не собиралась.

За окном проплывал родной Подгорск. Провинциальные улочки, покосившиеся заборы, палисадники с георгинами. Всё такое маленькое, сонное, залитое золотым июньским светом. Полина смотрела на этот город и чувствовала, как внутри что-то щемит. Она не любила сюда возвращаться. Но сейчас, глядя на знакомые дома, на старую водонапорную башню, на вывеску «Продукты» с выцветшими буквами, она ловила себя на странной нежности. Город был частью её. Той, от которой она так старательно убегала.

— Ну что, как ты? — спросил Эдик, заглушив мотор у школы.

Полина повернулась к нему. Он смотрел выжидающе, чуть наклонив голову.

— Не хочу идти, — честно ответила она.

Эдик хмыкнул.

— А мне надо. Надо присмотреть за бывшей. Чтобы к ней никто не клеился.

Полина рассмеялась.

— А Андрея ты за соперника не считаешь?

Эдик вдруг стал серьёзным. Он посмотрел в лобовое стекло, постучал пальцами по рулю.

— Если Оксана влюбится в Андрея, — медленно сказал он, — то шансов у меня не останется.

Полина покачала головой. Даже этот парень считал Андрея недостижимым идеалом. Ну что за ореол вокруг него? Она отвернулась к окну, чтобы Эдик не увидел её раздражения.

— Ладно, — сказал он. — Мне надо за школу. Покурю.

— А я тебя ждать не буду.

Эдик пожал плечами.

— Иди. Я догоню.

Каблуки стучали по асфальту, как чужой, отвыкший от этого ритма пульс. Она смотрела на побелённые колонны у входа, на деревянные выкрашенные к празднику рамы в окнах. Да, это была та самая школа. Та, что когда-то казалась ей вторым домом, а потом стала просто зданием из прошлого.

Теперь она изменилась. Или изменилась сама Полина. Она не переступала этот порог с самого выпускного. С того самого дня, который вычеркнула из памяти, как будто можно вырезать кусок из жизни, словно страницу из дневника. Но вот она снова здесь. Стоит и не может сделать шаг.

Поверить трудно, что она столько лет ходила сюда. Каждое утро — с тяжёлым рюкзаком, зимой — в темноте, осенью — по лужам, весной — с первым теплом. Сколько всего здесь было. Хорошие дни, когда всё удавалось: контрольная, разговор с подругой, случайная улыбка того самого мальчика. И грустные, когда хотелось спрятаться в туалете и не выходить до конца уроков. Сколько учителей, сколько знаний, сколько чужих голосов в коридорах. И вот всё это

однажды заканчивается. Ты просто получаешь аттестат, выходишь за ворота и больше никогда сюда не возвращаешься.

Школа не отпускает сразу. Она ещё долго снится. Лестницы, звонки, парты, кабинет физики. Но потом и сны стираются. Память оставляет только дымку. Тёплую, смутную, как старое фото, выцветшее на солнце.

Полина поднялась по ступеням. Знакомые выбоины под ногами, облупившаяся краска на перилах. Всё то же самое, но будто из другой жизни. Выпускники двух одиннадцатых классов уже наполняли широкий коридор у раздевалки. Нарядные, взволнованные, громкие. Девчонки в платьях, мальчишки в белых рубашках с галстуками. Все такие юные, такие настоящие. Полина шла среди них, как призрак из будущего, и не могла отделаться от чувства, что этот день уже был. Что всё это — лишь отражение, отблеск на стекле, который вот-вот погаснет.

Она задержалась у окна. За стеклом — старый школьный двор, тополя, которые когда-то казались огромными. Теперь они будто стали ниже. Или это она выросла. Внутри шевельнулась нежность. К этим стенам, к этому двору, к девочке, которая когда-то стояла здесь с бантом в волосах и верила, что впереди — целая жизнь. Впрочем, впереди и правда была целая жизнь. Только совсем не такая, как ей тогда представлялось.

Школа — это место, где время течёт иначе. Четыре четверти, каникулы, экзамены. Кажется, что этот ритм будет вечным. А потом он обрывается. И ты даже не замечаешь, как перестаёшь быть школьницей. Просто однажды просыпаешься — а за окном не звонок, а метро. Не дневник, а рабочий чат. Не «можно выйти», а «совещание через десять минут». И прошлое становится таким далёким, что уже не верится, что всё это было с тобой.

Полина вдохнула запах школьных стен. Пыль, мел, немного сырости из подвала. Этот запах не изменился. Он остался тем же, каким был десять, пятнадцать, двадцать лет назад. Странно реалистичный сон заставил её вернуться сюда, и она ловила каждую мелочь, смотрела вокруг и поверить не могла, что всё это вновь вернулось. И от этого защипало в носу. Она прижала ладонь к холодной стене, будто хотела нащупать пульс этого здания. Живое ли оно ещё? Или это просто декорация, в которую её забросило на один день?

Коридор наполнялся людьми. Кто-то смеялся, кто-то обнимался, кто-то плакал. Выпускной — он как граница. По одну сторону — детство, по другую — взрослая жизнь. И никто не знает, что будет дальше. Все делают вид, что счастливы, но в глазах — тревога. Полина видела её сразу. Эту дрожь перед неизвестностью. Она сама когда-то стояла так же. В этом же коридоре. В этом же платье.

Только тогда она не знала, что этот вечер станет для неё точкой невозврата. Что после него всё пойдёт не так. Что она будет годами вспоминать не вальс и не цветы, а совсем другое. А теперь вернулась сюда, чтобы прожить всё заново. И не знала, хватит ли у неё сил.

Полина снова посмотрела на колонны, на окна, на ребят, которые сустились у входа. Школа осталась прежней. И в то же время стала чужой. Как старая подруга, с которой ты не виделся много лет: вроде узнаёшь её, но разговаривать уже не о чем.

Она глубоко вздохнула и шагнула вперёд, в гулкий, светлый коридор. Туда, где прошлое уже расставило свои декорации и ждало её выхода на сцену.

У входа её остановила женщина из родительского комитета. Та что вечно всё организовывала, раздавала указания и поправляла очки на переносице.

— Фамилия?

— Малышева.

Женщина заскользила пальцем по списку.

— Понятно. Торжественная часть в актовом зале. Потом дискотека в спортивном.

Полина кивнула. Ей не нужны были подсказки. Она до сих пор помнила, где актовый зал. И помнила, что будет дальше.

Она двинулась по коридору, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Сколько лет она ходила по этому коридору? Сколько всего здесь было: смеха, слёз, обид, первых побед. А потом всё закончилось. Ты просто заканчиваешь обучение и больше сюда не возвращаешься. Память

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.